

ОТЗЫВ
официального оппонента на диссертацию
Сапожниковой Юлии Львовны
«КАТЕГОРИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ КАК ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ДО-
МИНАНТА В АФРО-АМЕРИКАНСКИХ КЛАССИЧЕСКИХ
И НОВЫХ ИСТОРИЯХ РАБОВ (XIX – XXI ВВ.)», представленную на
соискание учёной степени доктора филологических наук по специ-
альности –10.01.03 – литература народов стран зарубежья
(американская литература)

Я с интересом прочла докторскую диссертацию Юлии Львовны Сапожниковой, посвященную анализу эволюции идентичности в жанре так называемого афроамериканского повествования рабов (slave narrative). Диссертация представляет собой фундаментальное, хронологически последовательное изучение изменений самоидентификации афроамериканцев, как она представлена в динамической жанровой модификации повествования рабов на протяжении двух столетий. Диссертантка выдвигает гипотезу о том, что именно идентичность является доминантой данного жанра, приводя в доказательство анализ целого ряда произведений, многие из которых впервые вводятся в отечественный научный контекст. В целом, автор успешно справился с поставленной задачей. Особенно важными и интересными в этом смысле, на мой взгляд, явились главы, посвященные подробной интерпретации произведений афроамериканских писателей.

Следует отметить, что выбранная автором тема исследования является хорошо изученной в США, да и в отечественной американистике целый ряд специалистов давно, хотя, признаем, и не во всем успешно или убедительно занимался данной проблематикой. Диссертантка продемонстрировала глубокое знакомство с монографическими исследованиями,

статьями и диссертациями по выбранной ею теме, выходявшими в нашей стране, попыталась указать на их лакуны, порой слишком общие места, отсутствие разработки ряда тем и направлений, как и знакомства с именами и произведениями значимых писателей. Что касается американских исследований, то знакомство автора диссертации с ними оказалось более фрагментарным, что определяется, конечно же, не столько выбором диссертантки, сколько недоступностью ряда важных источников в нашей стране. Тем не менее фундаментальность исследования Ю.Л. Сапожниковой не вызывает сомнений. Библиография ее диссертации включает около пятисот источников, более половины из которых – на иностранных языках.

Тем сложнее оказалась и основная задача, поставленная перед Юлией Львовной – выбрать такой ракурс диссертации, такой подход к анализу темы, который отличался бы и новизной, и актуальностью и вносил бы что-то свое и оригинальное в трактовку темы. Диссертантка попыталась осуществить эту задачу посредством обращения к категории идентичности, рассматриваемой ею в качестве художественной доминанты жанра повествования рабов. Эта же категория послужила по существу и связующим композиционным звеном самой диссертации Ю.Л. Сапожниковой, отличающейся композиционной стройностью и четкой логикой подачи материала.

Не могу не отметить, что у меня вызывает сомнения как сама категория идентичности (уже давно серьезная социальная и гуманитарная наука от нее отказалась и говорит скорее о плавающей и множественной идентификации как о неостановимом и незавершаемом процессе), так и возможность рассматривать ее как художественную доминанту определенного жанра и как тему произведения и художественный принцип построения текста (стр. 14). Этот далеко не очевидный посыл в диссертации, на мой взгляд, все же не получает достаточного обоснования, как и пред-

лагаемое автором деление идентичности на философскую, социальную и психологическую, положенное в основу классификации афроамериканских авторов во второй части исследования. Не слишком убедительно и утверждение о якобы существующей зависимости между ростом этнокультурного фактора и актуализацией в литературе какой-то мифической связи между идентичностью и жанром. Так, в 1 главе после подробного обзора теории жанра и попытки проследить жанровую структуру повествований рабов, автор утверждает, что «основным доказательством возможности рассмотрения ... историй рабов как самостоятельных жанров является не содержательная или структурная общность произведений этих групп, а то, что в них отражена новая концепция личности темнокожего человека» (стр. 59). Но это достаточно логически уязвимое высказывание не доказывается в дальнейшем.

Проблема здесь в том, что можно назвать синдромом колониальности знания: в науке эпохи модерности было принято считать, что западное знание универсально и применимо ко всем людям, а незападные пространства порождают лишь истории, фактический материал, который затем анализируется посредством западных универсалистских теорий. Незападным иным, в том числе и афроамериканцам, понадобилось несколько десятилетий, чтобы завоевать себе право и доказать свою способность производить знание о своем опыте, причем не только в литературной форме. И сегодня уже нельзя себе представить американскую или европейскую диссертацию о повествованиях рабов, которая бы ссылалась на Э. Эриксона или И. Гофмана, поскольку тем самым перечеркивается сама благая цель написания подобной работы и в очередной раз утверждается колониальность знания в форме стирания, искажения и присвоения западного знания. Жертвой этой аберрации стал, увы, и автор диссертации, хотя это и не ее вина, а скорее родимое пятно самой науки, не осознаваемое большинством исследователей, особенно в нашей стране. Именно по-

этому наименее убедительной мне представляется та часть диссертации (введение и глава 1), где автор пытается теоретизировать идентичность, опираясь на методологически довольно устаревшие и сугубо западные работы (практически не представлены постмодернистские труды) и на вторичных в большинстве своем отечественных исследователей, как правило, эти же западные работы пересказывающих.

На мой взгляд, в целом автор значительно сильнее и увереннее в подробном анализе литературного текста, где периодически прорывается и оказывается услышан диссертанткой голос самого афроамериканца. Слабее она в обобщениях, в оторванном от материала диссертации теоретизировании и в контекстуализации своих находок в рамках не только афроамериканской культуры, социальности, критического мышления, но и в рамках междисциплинарного подхода, необходимого при изучении подобного материала и включающего обязательно социологию, психологию, эпистемологию, антропологию, культурные и постколониальные исследования, африкана-философию и другие новые подходы. Правда, автор заявляет во введении (стр. 24) о своей установке на междисциплинарность, но, на мой взгляд, она реализуется достаточно поверхностно и не всегда убедительно.

Кроме того, фиксация на жанре как любимой теме традиционалистского литературоведения вступает в противоречие с серьезным анализом афроамериканских текстов, который предпринимает в дальнейшем автор и который по сути доказывает бесполезность жанровой категории в анализе таких текстов. Юлия Львовна пытается выйти из этой дилеммы путем обращения к понятию «жанровая модификация», «жанровый синтез». Но такая типологизация ничего не добавляет к пониманию исследуемых произведений. Тем более что уже во 2 главе автор закономерно приходит к выводу, что эти модификации были обусловлены по сути субливерсией и расшатыванием доминантного дискурса и его устоявшихся жанровых

форм. Иначе говоря, это были ранние формы деконструкции метарасказа, которые, конечно же, в то время таковыми не воспринимались, но в реальности обгоняли почти на столетие постмодернизм. К сожалению, автор лишь пунктиром намечает ту мысль, никак ее не развивая.

И это снова проблема философии науки скорее, нежели данной диссертации. В силу своих родовых ограничений, связанных с позитивизмом, европоцентризмом, логоцентризмом и другими изъянами модерности, традиционное литературоведение не способно адекватно оценить афроамериканскую, как и любую другую незападную традицию. Поэтому, обращаясь к литературоведческим работам по теории жанра, а в основном это труды либо написанные в духе исторической поэтики Веселовского, либо, в лучшем случае, исследований М.М. Бахтина, но чаще всего - советских по духу и образованию литературоведов, автор заведомо ставит себя в сложное положение – пытаюсь объединить несоединимые научные парадигмы из совершенно разных времен и эпистем, например, эссенциализм и конструктивизм, традиционалистскую теорию жанра и современную литературу, напрочь отрицающую жанр как во многом устаревшую категорию.

Это становится очевидным уже при чтении списка положений, выносимых на защиту, отличающегося некоторым упрощенчеством. Возникает, например, вопрос – как автор понимает расу, этнос, культуру – активно дискутируемые и во многом дискредитированные концепты. Иногда в ее тексте эти понятия заменяют друг друга. Но чаще Ю.Л. Сапожникова использует концепт «этнос», в современной науке практически изжитый, ссылаясь при этом на отечественных исследователей, сформировавшихся в советский период и потому ставших жертвами вездесущей тогда теории этноса. Я ни в коей мере не хочу сказать, что ею вовсе нельзя пользоваться, но обращение к этому понятию-фикции является рискованным и требует от автора дополнительных обоснований, которых мы не

находим в диссертации. Особенно неорганичным этнос оказывается во второй части работы, где игровое трикстерное начало современных афроамериканских иронических текстов становится доминирующим и примордиалистские категории, подобные этносу, «темнокожести» или штампы вроде «черного континента» и архаического понятия «самобытности» выглядят, мягко говоря, анахронизмами.

Этот недостаток обусловлен тем, что диссертантка не всегда вполне представляет себе, кого именно она цитирует, к какой школе относится тот или иной ученый, на которого она ссылается как на объективную истину. В итоге мы видим некий коллаж из порой взаимоисключающих трактовок и непонимание важности и места тех или иных фигур в генеалогии западного и в особенности афроамериканского знания, науки и мировосприятия. Реакционные правые ученые (С. Хантингтон) в тексте работы цитируются рядом с левыми (Ю. Хабермас) и умеренными либералами (К. Калхун). В выбранной теме исследования все это не просто важно, а носит основополагающий характер. Поскольку наука, изучающая проблематику расизма, колониализма, европоцентризма, дискриминации, по определению идеологична и ангажирована и игнорировать этот факт нельзя. Это касается, например, упрощенных и псевдоуниверсальных WASP¹-трактовок мультикультурализма, глобализации, идентичности, соотношения категорий расы и этничности (с этим связана явная биологизация расы в диссертации и непонимание ее эпистемологической, а не онтологической, сугубо сконструированной природы) и ряда других понятий К. Калхуном и другими мейнстримовскими социологами, при полном отсутствии каких либо альтернативных и прежде всего афроамериканских

---

¹ WASP (White Anglo-Saxon Protestant) – белый англосаксонский протестантский

и африкана²-источников или их маргинализации и принижения их истинной роли, в том числе и прежде всего в области теоретизирования.

Странно писать об афроамериканской идентичности и цитировать при этом К. Калхуна или даже Э. Фромма, лишь вскользь упоминая или вовсе опуская такие ключевые для этой модели имена ученых и предложенные ими фундаментальные понятия как Уильям Дюбуа и его теоретизацию «двойного сознания» и бытия в качестве проблемы, из которой выросли затем вся черная феноменология и экзистенциализм (в диссертации цитируется лишь русский перевод далеко не самой главной книги Дюбуа, имеющей косвенное отношение к пониманию афроамериканского сознания и само имя Дюбуа появляется вскользь на 82 и 152 стр. и не в качестве главного теоретика афроамериканского сознания, как это должно было бы быть), Франца Фанона и его концепции социогенеза, катарсического насилия («Проклятем заклеянные»), колонизированного сознания, деколонизального психоанализа, блестяще представленного в книге «Черная кожа. Белые маски». Знакомство с последней, кстати, заметно помогло бы автору диссертации разобраться в различиях между цветом кожи и нацией. Но увы, ни одной книги Фанона нет в библиографии диссертации и он упоминается лишь однажды в качестве «культуролога», воспевающего ярость (стр. 359), что в очередной раз доказывает непонимание автором истинных соотношений важности и влияния тех или иных фигур в архитектуре афроамериканского и африкана-знания в целом.

Единственный глубоко изученный автором и представленный в тексте исследования афроамериканский теоретик – Генри Луис Гейтс младший с его трактовкой важнейшего тропа афроамериканской культуры - означивания. Применение Ю.Л. Сапожниковой его теории к анализу конкретных текстов следует признать удачным и плодотворным. Другие

---

² Африкана (культура, философия, сознание) – термин, предложенный для анализа идентификации всех выходцев из Африки, независимо от того, где они живут теперь – в США, Латинской Америке, Европе.

имена афроамериканских и африкана-теоретиков, которые должны были бы обязательно присутствовать в такой диссертации, поскольку внесли много важного в концептуализацию рассматриваемых в ней проблем, причем с позиции самих африканцев и афро-американцев, а не снисходительно изучающих их белых, это Стюарт Холл (упоминается лишь однажды и вскользь), Пол Гилрой, Луис Гордон, Сильвия Уинтер и т.д. Не менее важен и отсутствующий в диссертации более широкий контекст постколониальной теории и прежде всего таких авторов как Хоми Баба, напрямую выходящих к проблематике диссертации. Диалог с его идеями оказался бы гораздо полезнее, чем цитаты из советских литературоведов, описательно и обзорно подходивших к изучению афроамериканских писателей. Впрочем, будем надеяться, что вся современная теория, релевантная для диссертации и пока оставшаяся за кадром, ляжет в основу дальнейших исследований автора.

Отмечу, что мне термин «повествования рабов» представляется все же более удачным и привычным, чем выбранный автором «история рабов». И дело здесь не в этимологии, с помощью которой она пытается объяснить свой выбор, а в том, что это более близкий к оригиналу перевод и, кроме того, перевод, вписанный в контекст современного постструктуралистского понимания слова «нарратив», выходящего за рамки оппозиции письменное/устное или автобиография/чужая история. Вообще диссертация бы выиграла, если бы в ней были в большей мере представлены теоретические выкладки постструктурализма, лучше рифмующиеся с исследуемым материалом.

Целый ряд глав диссертации (4,5,6) строятся как подробный текстуальный анализ произведений, что само по себе прекрасно и важно, тем более что автор хорошо владеет английским языком и способна уловить стилистические и лингвистические нюансы анализируемых текстов. Однако отбор этих произведений для анализа не всегда представляется обос-

нованным, как и акцентуация тех или иных фигур. Создается впечатление, что автор не совсем понимает или сознательно игнорирует качественную разницу между, к примеру, Тони Моррисон и писателями второго и даже третьего эшелона, нанизывая анализ их произведений без всякой попытки оценочности, разделения вещей разного порядка. Самой удачной в этом смысле оказалась 5 глава диссертации, в которой представлен подробный сопоставительный анализ творчества И. Рида и Ч. Джонсона, отмеченного каноническим контрдискурсом, пародийной субверсией, двойной оптикой пограничного сознания (иронизирующей и над белым и над черным мирами одновременно).

На мой взгляд, диссертация несколько перегружена фактографией, этнографическими сведениями и компиляциями прежде написанных исторических информативных и описательных текстов, нанизанными одна на другую биографиями писателей, экскурсами и обзорами по теории жанра и т.д. Иногда складывается впечатление, что автор просто пытался собрать побольше материала, чтобы увеличить объем диссертации. Однако необходимости в таком обилии фактографии нет. И главы, написанные на основе авторского анализа литературных произведений, не случайно выигрывают по сравнению с такими обзорными и компилятивными разделами, особенно когда в качестве авторитета используются учебники по теории литературы и другие работы, предназначенные, по сути, для студентов.

Нельзя не отметить интересные и убедительные трактовки гендерных аспектов повествований рабов на протяжении всей диссертации, но особенно во 2, 4 и 6 главах, нюансирование автором различий между женским и мужским взглядом на проблемы рабства, свободы, личности, цвета кожи, материнства, сексуальности, человеческого достоинства и самореализации и т.д. Хотя здесь и не помешало бы более глубокое знакомство с афроамериканским феминизмом, деколониальной гендерной теорией,

концепцией межсекциональности и т.д., которые теоретически подкрепили бы текстуальные находки автора.

Последнее касается и анализа системы бинарных оппозиций в историях рабов, проблемы дегуманизации и сведения раба к животному. Здесь автору не помешало бы обратиться к концепции мизантропического скептицизма Нельсона Мальдонадо-Торреса и противопоставления *anthropos* и *humanitas* в модели Осаму Нишитани, которые содержат теоретические обоснования многим наблюдениям диссертантки. Но в целом разделы диссертации, посвященные анализу женских повествований рабов, следует отнести к несомненным удачам автора.

Оценивая диссертацию Ю.Л. Сапожниковой в целом, мне хотелось бы отметить ее несомненное научное значение, доказательность и правомерность большинства выносимых на защиту положений, а также полное и адекватное отражение их в публикациях автора. По теме диссертации у Ю.Л. Сапожниковой вышло 36 публикаций, в которых подробно отражены основные положения диссертации. Среди них - 16 статей в научных журналах из списка ВАК и две монографии. Все это свидетельствует об основательности исследования, о крайне серьезном и тщательном отношении автора к воплощению своей задачи. Структура и содержание автореферата в полной мере соответствует диссертации. Диссертационное исследование написано на высоком профессиональном уровне, современным научным языком, отличается ясностью изложения материала и убедительными выводами.

Вышесказанное позволяет мне с уверенностью утверждать, что докторская диссертация Ю.Л. Сапожниковой в полной мере отвечает критериям, указанным в пп. 9-11 и 13, 14 «Положения о присуждении ученых степеней», утвержденного постановлением Правительства РФ 24 сентября 2013 г. № 842, а ее автор, вне всякого сомнения, заслуживает присуждения искомой ученой степени доктора филологических наук по

специальности – 10.01.03 – литература народов стран зарубежья (американская литература).

Профессор кафедры философии
Института общественных наук
Российской академии народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте РФ,
доктор филологических наук,
профессор

М.В. Тлостанова

ЗАВЕРЮ
УЧЕНЫЙ СЕКРЕТАРЬ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАРОДНОГО
ХОЗЯЙСТВА И ГОСУДАРСТВЕННОЙ
СЛУЖБЫ ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

М.В. ТЛОСТАНОВА